

ИТАР-ТАСС

Гергиев как демон

**ПАСХАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ОТКРЫЛСЯ В МОСКВЕ
великолепным концертом
оркестра Мариинского театра
под управлением
художественного руководителя
фестиваля Валерия Гергиева.
Маэстро сразу установил
высочайшую эстетическую
планку профессионального
мастерства, в чем лично
убедилась Екатерина КРЕТОВА.**

Речь мэра Москвы Юрия Лужкова и благословение отца Арсения, зачитавшего приветственное слово патриарха Алексия II, были краткими и органично сочетали деликатную религиозную интонацию с праздничной светскостью. По традиции, издавна существующей в Европе, пасхальные фестивали — абсолютно светские события. Московский Пасхальный проводится лишь во второй раз, но уже совершенно ясно, что он вправе занять достойнейшее место в рейтинге мировых фестивалей. И в этом, конечно, заслуга выдающегося музыканта и столь же выдающегося организатора маэстро Гергиева.

Программа открытия фестиваля в Большом зале консерватории привлекла огромное количество публики. Маэстро начал со "Свадебки" Стравинского, раннего сочинения композитора, которое в начале двадцатых годов прошлого века покорило Париж. Стравинский обозначил "Свадебку" как "рус-

ские хореографические сцены" (ставил ее в Париже, естественно, Сергей Дягилев). Она написана для хора, солистов, ансамбля ударных и четырех фортепиано и представляет собой стилизацию фольклорного свадебного обряда. Исполнение "Свадебки" стало презентацией блеска хора Мариинки, пожалуй, даже затмившего солистов.

Настоящей сенсацией стало второе отделение концерта, в котором Валерий Гергиев показал свою невероятную авторскую интерпретацию Пятой симфонии Чайковского. Отойдя от всех канонов и стереотипов, оркестр выдал музыкальную концепцию, которую уже можно назвать не дирижерской, а режиссерской. Необычные темпы, динамика, акценты при абсолютной бережности по отношению к тексту партитуры — все работало на раскрытие тайны этой самой загадочной из всех симфоний Чайковского. Прежде всего загадки финала, построенного на трагической теме, которую принято называть "темой рока", неожиданно поданной в позитивном мажорном звучании. По традиции петербургской симфонической школы финал должен быть помпезным и мажорным — в музыкознании есть даже такое понятие "петербургский финал". Но маэстро Гергиев насытил эту музыку столь трагичным и экспрессивным внутренним смыслом, что слушатели были буквально сражены глубиной гениальной музыки и феерическим звучанием оркестра.

Символический характер обрел традиционный гергиевский бис, которого не пришлось долго выпрашивать. Оркестр так сыграл увертюру к "Руслану и Людмиле", что зал буквально ахнул: в бешеном темпе, виртуозно и блестяще в полном смысле слова. Хотел того маэстро Гергиев или так вышло само собой, но этот бис вступил в незримую полемику с только что состоявшимся провалом "Руслана" в Большом театре, где, прикрываясь аутентичностью, превратили музыку Глинки в скучную самодеятельность. Маэстро Гергиев не исполняет ни Глинку, ни Чайковского аутентично — он делает это просто талантливо.